

Тема народного страдания и скорби в поэме А.Ахматовой «Реквием».

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,-
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Н. И. Ежов – нарком внутренних дел с 1936 по 1938 г. Ежовщина – страшные годы репрессий. Казнён 1.04.1940 г. по приговору « За необоснованные репрессии против советского народа».

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то "опознал" меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

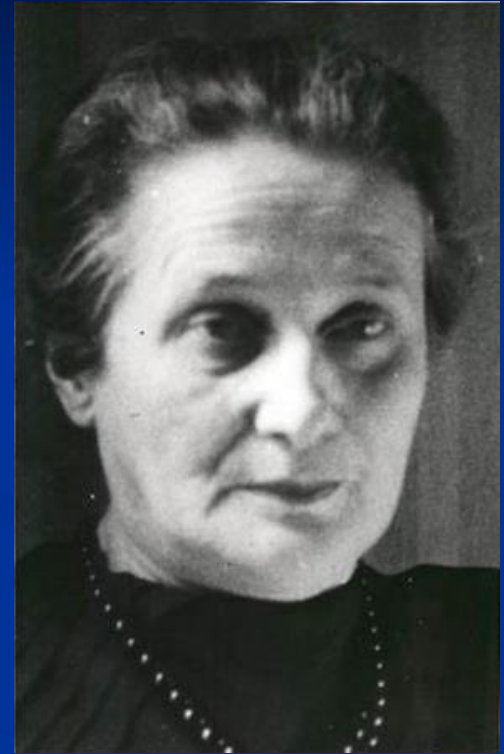

Лев Гумилёв, сын А.Ахматовой

А.Ахматова: «Реквием» знали наизусть 11 человек, и никто меня не предал».

«Реквием» :

- эпиграф (1961 г.)
- Вместо предисловия (*1 апреля 1957 г.*)
- Посвящение (*март 1940 г.*)
- Вступление (*ноябрь 1935 г.*)
- 10 стихотворений (1938-1940 г.г.)
- Эпилог (1940 г.)

Осень 1962 г.- компоновка стихотворений в единое целое, первая запись на бумаге.

1988 г. - публикация в журналах «Октябрь» и «Нева».

Реквием – католическое богослужение по умершем, также траурное музыкальное произведение.

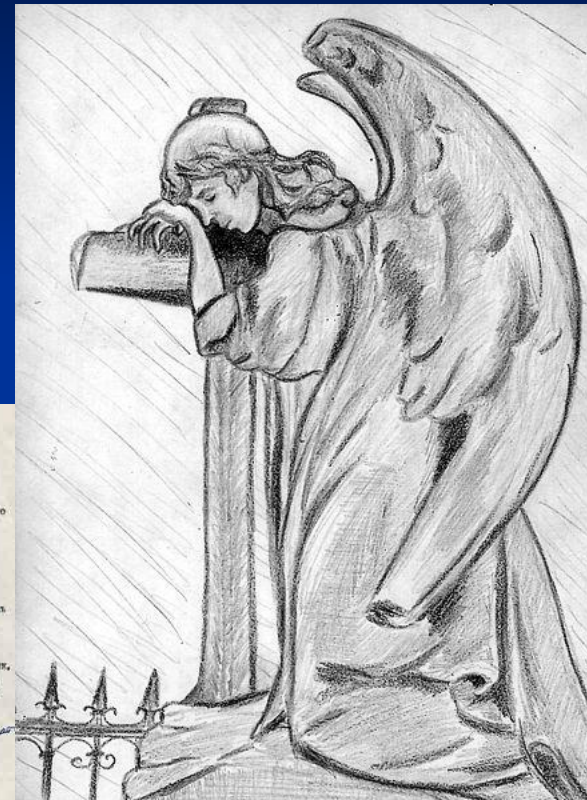
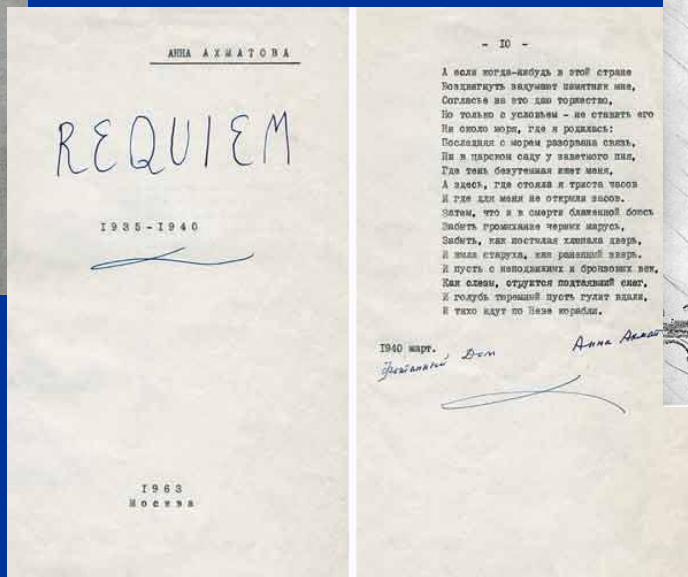
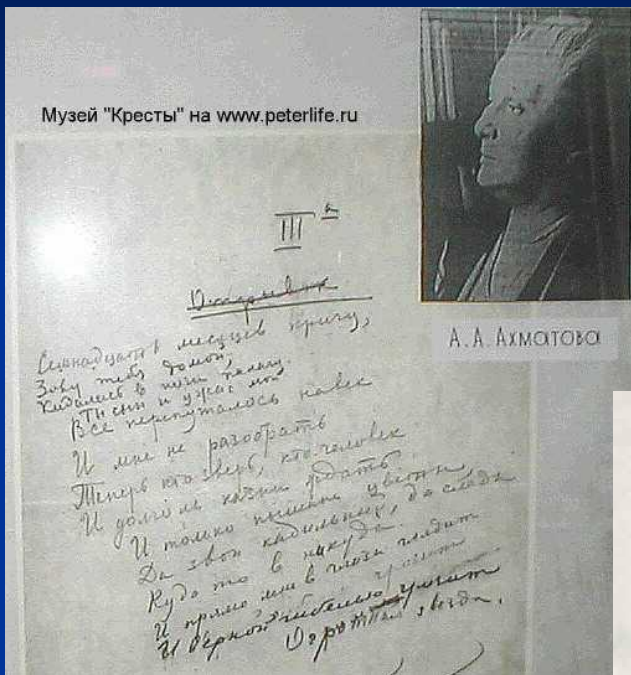

Рис. А. Бергстрем

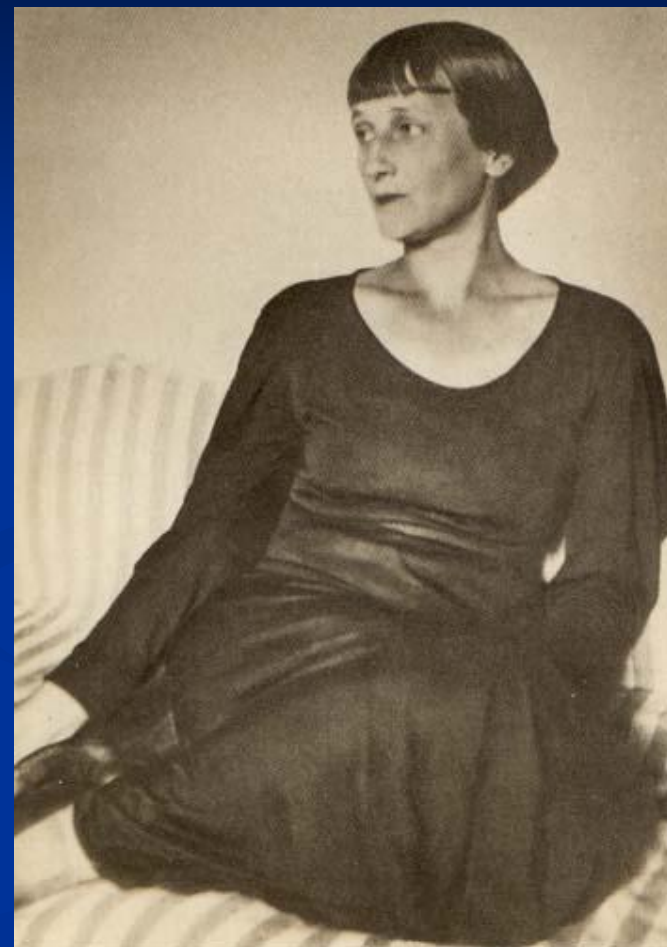
Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла...

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари... Ночь.

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской весёлой грешнице,
Что случится с жизнью твоей...

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.

А.Ахматова с сыном Львом Гумилёвым

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели...

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

Ты все равно придешь - зачем же не теперь? Я жду
тебя - мне очень трудно.

Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.

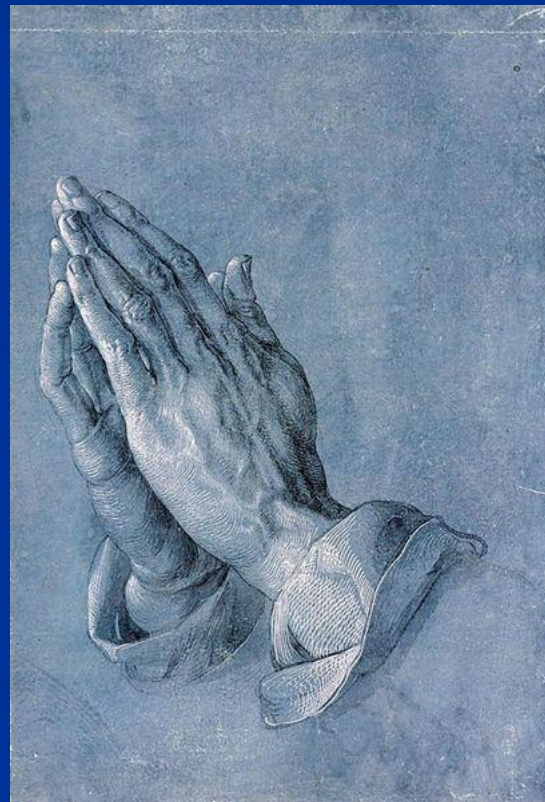
Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.

Отцу сказал: "Почто Меня оставил!"

А матери: "О, не рыдай Мене..."

И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

... здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов...

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Памятник А.Ахматовой в Санкт-Петербурге появился на набережной Робеспьера
спустя 40 лет после её. Скульптор - Галина Додонова.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнут памятник мне,
Согласен на это даже профессор,
Но только с условием - не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь.
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тени безутешная жмет меня,
А здесь, где столба я треста часов
И где для меня не открыли входов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забить грохотавшие черные маршусь,
Забить, как постылая хлопала дверь,
И шло стадо, как раненый зверь.
И пусть с непохожих и бронзовых век,
Как олень, струсит подтапывая снег,
И голубь торешный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

АННА АХМАТОВА

REQUIEM

1935-1940

1963
МОСКВА

- 10 -

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнут памятник мне,
Согласен на это даже профессор,
Но только с условием - не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь.
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тени безутешная жмет меня,
А здесь, где столба я треста часов
И где для меня не открыли входов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забить грохотавшие черные маршусь,
Забить, как постылая хлопала дверь,
И шло стадо, как раненый зверь.
И пусть с непохожих и бронзовых век,
Как олень, струсит подтапывая снег,
И голубь торешный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

1940 март.

Анна Ахматова

Anna Akhmatova